

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Сапана Ильи Евгеньевича на тему «Современный политический активизм: системно-коммуникативный подход», представленную на соискание учёной степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.7. — Социальная и политическая философия.

Исследование И.Е. Сапана посвящено амбициозной задаче — спроецировать высоко абстрактную системно-коммуникативную теорию Н. Лумана на достаточно конкретную и имеющую актуальные прикладные ракурсы проблематику политического активизма.

Эту задачу автор решает последовательно: рассматривая теорию Лумана и закладывая тем самым теоретико-методологические основы своего исследования, далее обсуждая вопрос о возможности прикладного применения этой теории и затем переходя собственно к теме / объекту своего исследования — политическому активизму в его сущностных характеристиках и в современной цифровой модификации. Целесообразность подобного дизайна исследования, значительная часть которого отводится интерпретации теории Лумана, можно было бы оспорить, если бы речь шла о некоей другой социологической концепции. Однако Н. Луман был и остается сложным и недооцененным социальным теоретиком, и осмысление и творческое использование его наследия представляется актуальной научной задачей.

Собственно предметом диссертационного исследования Сапана выступает протестная коммуникация, которая в заявленном концептуальном ракурсе системно-коммуникативной теории предстает как сущность политического активизма, непосредственно реализуемого в практиках новых социальных движений («политический активизм тяготеет именно к протестным формам собственной репрезентации, нередко

реализуя себя благодаря коллективным действиям новых социальных движений...» (с. 133 — здесь и далее страницы диссертации)).

Диссертационное исследование строится, таким образом, на базе понятий “новые социальные движения”, “протестные социальные движения”, “политическая деятельность”, “политический активизм”, “протест”, “протестная коммуникация”. Использование этих, достаточно привычных понятий в контексте высоко абстрактной теории требует детальной спецификации.

И здесь, на этом высоко абстрактном уровне, возникают весьма сложные вопросы. Допустимо ли отождествлять “протест” и “протестную коммуникацию” или эти понятия специфицируют разные аспекты рассматриваемой проблематики? Соответственно, если “протестная коммуникация” есть аутопойетическая система ‘по определению’ (коль скоро мы говорим о коммуникации в модусе лумановской теории), то можно ли сказать то же самое в отношении протеста? Если понимать протест в обычном смысле — как социальное действие, он должен иметь конкретную причину, тему, цели и подпитываться мотивациями людей; если как специфическую отдифференцированную форму коммуникации, речь следует вести о кодах / собственных значениях протеста, позволяющих ему селектировать релевантные сообщения из внешней среды. Есть ли у протеста коды / собственные значения? Что может выступить в роли такого рода операторов? И как соотносятся реальные социальные проблемы, против которых направлен протест в своей феноменологической ипостаси, и он как таковой, в своей предполагаемой аутопойетической сущности? Иначе говоря — можно ли понимать протест просто как реакцию людей на определенные социальные проблемы или он имеет собственные источники динамики? Всё это — очень сложные ответы, и к заслугам диссертанта следует отнести то, что он ищет на них ответы.

Эти ответы не всегда последовательны и убедительны, но то же можно сказать и в отношении самой теории Лумана, не говоря уже о том, что данная теория, как почти любая другая, оставляет достаточно пространства для альтернативных интерпретаций.

Текст диссертации позволяет воспроизвести логику рассуждений автора. Так, вначале он утверждает, что «у протеста ... кода нет» (с. 54)», уточняя при этом, что «протест — просто форма коммуникации» (с. 55). Однако что значит «*просто* форма коммуникации»? Ведь тематизация протеста как коммуникации в контексте используемой теории равносильно заключению о его аутопойетической сущности. Или выражение «форма коммуникации» и «система коммуникации» следует понимать как разные вещи?

Развивая тезис об отсутствии у протеста собственного медиума и соответствующего бинарного кода, диссертант приводит убедительный аргумент, состоящий в том, что протест не существует без темы: «Ему постоянно нужна тема, причина, по которой он возникает» (с. 55). Этот тезис весьма близок утверждениям самого Лумана, в частности: «Протест не самоцель — даже для протестных движений. Им нужна тема, чтобы в связи с ней начать борьбу»¹ (293). В то же время, в диссертации проводится мысль, что протест *ищет эту тему*, чтобы поддерживать самое себя (см. у Лумана: «Протест живет *селекцией* определенной темы»²), и эти темы могут меняться. Допустимо сделать вывод, что протест есть феноменология протестной коммуникации, а именно — тематизированная протестная коммуникация, модус аутопойезиса которой требует выяснения. Логика рассуждений подводит диссертанта именно к данному выводу.

¹ Луман Н. Дифференциация. Пер. с нем. / Б. Скуратов. М: Издательство «Логос», 2006. С. 293.

² Там же. С. 296.

Возникающий при этом вопрос о медиуме и кодах протеста, обсуждение которого разворачивается на страницах диссертации, допускает вариативные ответы с неким общим смысловым центром тяжести, а именно — представлением о нарушенной справедливости и поправленных правах, сопровождаемым соответствующим шлейфом негативных эмоций. Подобный смысловой центр тяжести усматривается в концептуализациях многих теоретиков, начиная с Н. Лумана и заканчивая автором рассматриваемой диссертации, акцентирующих ту или иную разновидность «протестного алармизма», «страх и тревогу» как «собственные значения протестной коммуникации» (Н. Луман), чувство (не) справедливости (П. Штомпка), представления о «нарушенных правах», порождающие «дистинкцию “решение / поражение”» (А.Ю. Антоновский и Р.Э. Бараш). В диссертации эта линия воплощается в авторском предложении усматривать *«единый»* медиакод <протеста> в феномене *привилегированности*, а основной бинарный код рассматривать в оппозиции *защищенный / пораженный*» (с. 112). «...“пораженность” тех или иных социальных групп, — пишет диссертант, — нередко может выступать темой протеста, при этом не всегда будучи переживаемой напрямую самими активистами как их собственная реальность. Более того, данная тема должна постоянно обновляться, отыскивая новые формы собственной репрезентации» (с. 111), и это положение можно принять как убедительное, особенно если вместо слова «тема» поставить слово «код».

Положение о *привилегированности* как едином медиакоде протеста и оппозиции *защищенный / пораженный* как специфицирующем бинарном коде относится к оригинальным научным разработкам автора, а одним из наиболее важных результатов его исследования выступает заключение о том, что протест представляет собой специфическую форму коммуникации, в которой находит выражение дифференциация современного общества (здесь возникает вопрос, зачем нужен протест

современному высокодифференцированному обществу, который в диссертации не обсуждается, но обсуждается в соответствующей литературе).

Неочевидно, однако, допустимо ли экстраполировать характеристики протестной коммуникации на «протестные социальные движения» и «новые социальные движения» (тождественность / нетождественность названных понятий нуждается в пояснении) в целом, как это подано в диссертации: «протестные социальные движения представляют собой уникальное явление в обществе как некая самовоспроизводящаяся система с точки зрения системно-коммуникативной теории» (с. 62); «новые социальные движения могут быть идентифицированы как уникальная социальная система, обладающая собственным бинарным кодом (защищенный/ пораженный) и символически генерализованным медиумом (привилегированность)» (с. 135)? Данные формулировки страдают неточностью; возможно, соответствующие заключения стоило бы отнести не к протестным или новым социальным движениям (воплощающим, как нам представляется, феноменологию протеста), а к протестной коммуникации как онтологии протеста (при всей спорности использования категории «онтология» в поле системно-коммуникативной теории).

В пространстве тематики политического активизма различимы такие важные сюжеты, как массмедиа и его формирующее / мобилизационное / манипулятивное воздействие, общественное мнение и его роль в политической системе общества, риск как феномен, сопутствующий политическим практикам.

Все эти вопросы рассматриваются диссертантом достаточно нетривиально. Так, показана парадоксальная роль общественного мнения, которое, вопреки господствующему взгляду на него как на демократический политический институт, «в рамках политической

системы... <предстает как> способ её самонаблюдения, которое служит вспомогательным инструментом для принятия обязательных для исполнения решений» (с. 99). Исследователь подчёркивает тот факт, что общественное мнение, хотя и оформляется средствами массовой информации («массмедиа, как особая социальная система, это мнение скорее *оформляет, чем формирует*» (с.73)), обладает собственной динамикой и неподвластно полной манипуляции (с.74). На наш взгляд, это важное уточнение для понимания роли СМИ в формировании общественного мнения.

Системно-коммуникативный подход провоцирует парадоксальные выводы и в отношении массмедиа, которые оказываются заложниками собственного аутопойезиса. Диссертант приходит к заключению, что «Массмедиа, будучи самореферентной и самозамкнутой системой, как бы вынуждена сама приспособливаться к тому “общественному мнению”, которое она сама себе “представляет” тем или иным образом» (с. 134).

Общий вывод, который напрашивается из этих сюжетов, — если не об “ортогональном”, то во всяком случае самостоятельном существовании и неоднозначном отношении друг к другу феноменов общественного мнения, массмедиа и протестного активизма. Диссертация намечает общие контуры рассмотрения этих сложных и остроактуальных вопросов, более детальный анализ которых требует отдельной исследовательской программы, требующей подключения как эмпирических данных, так и социокультурной перспективы.

Что касается риска, то необходимость этой темы в диссертационном исследовании не кажется очевидной, хотя намеченное в работе представление о риске как феномене, способном задавать дистинкции протестных коммуникаций, представляется плодотворной линией в развитии этого сюжета.

Завершая рассмотрение диссертационной работы И.Е. Сапана, остановимся на том, с чего диссертант ее начинает, — с теоретико-методологической основы. Само исследование стало возможно благодаря вдумчивому прочтению автором одной из наиболее сложных социологических концепций — системно-коммуникативной теории Лумана.

Здесь есть что обсуждать и о чем спорить. В нашем представлении, одним из наиболее интересных моментов презентации лумановской концепции в рассматриваемой работе является акцентирование ее не-онтологичности, что отвечает мнению многих исследователей и самого Лумана. Автор диссертации разделяет это мнение и, хотя не систематизирует соответствующую аргументацию, приводит достаточно суждений, обосновывающих эту позицию. Подключение этой проблематики задает исследованию широкую философскую перспективу, открывающую возможности более глубокого понимания как концепции Лумана, так и в целом современных философских подходов к вопросу о природе социальной реальности.

Сильным исследовательским ходом является постановка вопроса о прикладной значимости системно-коммуникативной теории, хотя исполнение данного раздела не представляется удачным. Диссертант ограничивается здесь фрагментарными отсылками к ряду публикаций, не сопровождая соответствующий материал развернутым анализом. Подобная поверхность неизбежно сопровождается неточностями; так, например, упоминаемая автором работа А.В. Резаева и Н.Д. Трегубовой «Эвристические возможности и пределы системной теории Никласа Лумана в исследовании онлайн-взаимодействий»³ содержит демонстрацию не столько возможностей, сколько пределов лумановской теории в анализе названного феномена. Как бы то ни было, сама попытка выйти на

³ Опубликовано в: Коммуникация. Медиа. Дизайн. 2018. Том 3. № 4. С. 5-21.

прикладные возможности системно-коммуникативной теории заслуживает внимания и поддержки, особенно учитывая то обстоятельство, что концептуальные разработки Лумана воспринимается скорее как экстравагантный способ видения социальной реальности, нежели теория, способная направлять конкретные исследовательские поиски.

По результатам тщательного рассмотрения ключевых аспектов системно-коммуникативной теории Лумана автор диссертации делает вывод, что лумановская теория может быть взята в качестве методологической основы для изучения политического активизма и социальных движений как одна из самых перспективных.

Диссертационная работа И.Е. Сапана посвящена столь сложным вопросам, что не может не содержать спорных, не проясненных до конца и уязвимых для критики моментов.

1. Наиболее принципиальное критическое замечание (которое отчасти можно адресовать самому Луману) состоит в том, что диссертанту не всегда удается удержаться на неустойчивой планке внесубъектного анализа, и его рассуждения порой сбиваются в сторону личностно-деятельностных трактовок обсуждаемых сюжетов. Примеров этого в диссертации довольно много, в частности:

— «протест — это особая форма коммуникации... Это способ для отдельных лиц и групп выразить свои жалобы и требования обществу в целом и властям...» (с. 98);

— «нами обнаруживается необходимость рассмотрения социальных движений с опорой на системно-коммуникативный подход как коллективных действий, предпринимаемых группами людей для осуществления социальных или политических изменений, зачастую в ответ на предполагаемую несправедливость или неравенство в обществе» (с. 101);

— «Несмотря на обилие различных трактовок социальных движений, мы склоняемся к тому мнению, что одной из ключевых проблем при их изучении является вопрос о том, что побуждает граждан присоединяться к этим движениям и участвовать в них» (с. 103);

— «На наш взгляд, персональная вовлеченность и личная привязанность к теме, которая является ключевой в деле активизма, его смысловым ядром, и отличает протестную коммуникацию от других систем» (с. 108);

— «последовательно демонстрируя различные трактовки социальных движений, мы ставим вопрос о причинах участия граждан в них» (с. 135) и др.

2. Хотелось бы увидеть более четкую субординацию понятий “новые социальные движения”, “протестные социальные движения”, “политический активизм”, “протест”, “протестная коммуникация”, которая давала бы отчетливое понимание того, на каком именно уровне рассматриваемой проблематики целесообразно использование аппарата системно-коммуникативной теории.

3. Текст диссертации демонстрирует порой слишком короткую дистанцию между собственными взглядами диссертанта на обсуждаемые проблемы и концептуальными построениями ведущих российских специалистов в области философского осмысления протеста А.Ю. Антоновского и Р.Э. Бараш. Тем не менее, диссертант пытается выработать самостоятельный подход к анализируемым сюжетам и в ряде случаев даже полемизирует со своими старшими коллегами.

4. В работе наблюдается некоторое смещение исследовательского внимания от заявленного предмета исследования в сторону экспликации лумановских идей по широкому кругу проблем, связанных с политическим активизмом, что придает некоторую эклектичность диссертационной работе.

Несмотря на указанные замечания, в целом работа заслуживает положительной оценки и поддержки.

Общая оценка работы. Основной темой диссертационного исследования И.Е. Сапана является осмысление протестных движений как аутопойетической системы, т.е. системы, воспроизводство которой можно понять без обращения к мотивациям участвующих в них людей. Диссертант проделал большую аналитическую работу, эксплицирующую возможность подобного понимания, заложив соответствующие теоретико-методологический основы и предложив творчески осмысленные концептуальные подходы. Подобный научный результат соответствует уровню кандидатской диссертации.

Научная новизна диссертации заключается в развитии концептуальной модели протестной активности, позволяющей рассматривать новые социальные движения как автономную коммуникационную систему со своим бинарным кодом и символически генерализированным медиумом. Оригинальный подход диссертанта связан с предложением бинарной оппозиции «защищенный / пораженный», а также идеи «привилигированности» в качестве символически генерализированного медиума.

Представленная работа вносит свой вклад в теоретические осмысление сущности, латентных факторов и механизмов протестных движений современности, а также способствует развитию философских представлений о природе социальной реальности и выработке соответствующего языка ее описания.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к диссертационным исследованиям, представляемым на соискание ученой степени кандидата философских наук. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 5.7.7. — Социальная и

политическая философия (по философским наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Текст диссертации оформлен в соответствии с приложениями № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Считаю, что соискатель Сапан Илья Евгеньевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата философских наук по научной специальности 5.7.7. — Социальная и политическая философия.

Официальный оппонент:

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки Института социологии — обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

ШМЕРЛИНА Ирина Анатольевна

Шмерлина

23 мая 2024 г.

Контактные данные:

тел.: +7 (495) 120 82 57, e-mail: Shmerlina@yandex.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:

09.00.11 – Социальная философия

Адрес места работы:

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5,

Институт социологии — обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора социологии науки.

тел.: + 7 (499) 125 00 79, e-mail: isras@isras.ru

Подпись И.А. Шмерлиной удостоверяю:

**Старший специалист
по кадрам ИС ФНИСЦ РАН**

Епанешникова

Н.В. Епанешникова

23 мая 2024 г.